

# КОПАЛУХА

Виктор Астафьев



Подготовила материал:  
Косырева Ольга Николаевна  
МБОУ «СОШ №4»  
г. Ачинск

Мы приближались к альпийским уральским лугам, куда гнали колхозный скот на летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.



Стадо телят и бычков  
втянулось  
на старую, заваленную  
деревьями просеку.



Бычки и телята, да и мы тоже, шли медленно и устало, с трудом перебирались через сучковатый валежник.



В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистным доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнётся увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец, делается чёрной с седоватым налётом. Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других ягодников.





У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребяташки, которые гнали скот вместе с нами. Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегают кругами глухарка (охотники чаще называют её капалухой).

– Гнездо! Гнездо! – кричали ребята. Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда нигде не видел.

– Да вот же, вот! – показали ребяташки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилося от испуга – чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянута седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем – оно было тёплое, почти горячее.

– Возьмём! – выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

– Зачем?

– Да так!



А что будет с капалухой? Вы поглядите на неё!

Капалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняла для них тепло.

Потому и заостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И тут мы увидели, что живот у неё голый вплоть до шейки и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещется кожа.

Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

– А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, – сказал подошедший учитель.

– Это как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё-всё, каждую капельку... – грустно, по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть застеснявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул: – А ну пошли стадо догонять!





И все весело побежали от капалухинового гнезда. Капалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.



Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напряжена. Сердце капалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

И когда они вырастут, когда звонким зоревым апрельским утром уронят свою первую песню в большую и добрую тайгу, может быть, в песне этой будут слова, непонятные нам птичьи слова о матери, которая отдаёт детям всё, иной раз даже жизнь свою.

